

Лариса Черногорец

16+

Необоримая стена

Лариса Черногорец
Необоримая стена

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Черногорец Л.

Необоримая стена / Л. Черногорец — «ЛитРес: Самиздат», 2009

ISBN 978-5-532-10232-3

Не родись красивой, а родись счастливой, гласит русская пословица. Кто бы мог предположить, что сирота Настя обретет свое счастье с известным петербургским ловеласом, цирковым артистом, силовым акробатом и наездником Шарлем Тулье, заставит его поверить в чудо, в любовь, а заодно и спасет русскую святыню от негодяев. При оформлении обложки использовано фото с сайта Pixabay по лицензии СС0.

ISBN 978-5-532-10232-3

© Черногорец Л., 2009
© ЛитРес: Самиздат, 2009

Посреди стола, накрытого белой праздничной скатертью, на фарфоровом блюде, аппетитно красовались маленькие круглые пирожные. Дразнились своими нахальными алыми вишенками, на горках взбитых сливок. Из-под шапочек сахарной пудры темными капельками повидла, словно глазками, смотрели золотистые ароматные рогалики. Рядом, в плетеной корзинке розовые румяные ватрушки.

Акакий Петрович сладко улыбался, наливая ароматный чай в большие фарфоровые чашки из стоящего тут же на столе пузатого самовара:

– Ты кушай, Настенька, кушай, угощайся, не тушуйся, – шипел он, точно змея, – Марьюшка в отъезде до завтра, а барышня... барышня, никак, спит?

– Спит Акакий Петрович, только что уснула – набегалась за день, умаялась, сначала никак не хотела укладываться... – девушке Насте, отвечавшей хозяину, было страшновато и неловко. Она впервые наедине с ним. Он конечно человек добрый. Солидный очень, и вообще, ее благодетель, но... что-то настораживало. Даже эти его ласковые фразы.

– Ну, вот и славно! Вот и славно, ты угощайся, не стесняйся. Вот посидим с тобой почивничаем...

Слащавая улыбка хозяина и липкий взгляд даже несколько угнетали. Точно он ждал от нее чего-то. Хотелось сбежать. Акакий Петрович приближался, мягко ступая, точно кошка, которая крадется за добычей. Настя попятилась.

– Ну, куда же ты, птичка, сядь за стол со мной, выпей чайку, или ты меня боишься?

– Ничего я не боюсь! – Настя подумала, что ей решительно нечего бояться, откинула косу за плечо, рванула на себя стул и, усевшись поудобнее, впилась зубами в белоснежный, сахарный бочок рогалика. Акакий Петрович замер. Дрожь нетерпения пробежала по его телу.

– Ты чайку, чайку попробуй. Знатный чаек.

– А чего-сами-то? – отхлебнув большой глоток из чашки, Настя вопросительно уставилась на хозяина, – сами то чего чаю не пьете?

– Так сейчас, сейчас, голубка, – хозяин уселся на стул рядом и пододвинул к себе чашку. Взгляд его маленьких, заплывших жиром глазок, стал настолько откровенным, что у Насти больше не осталось сомнений в его намерениях. Хозяйка, его жена, вернется не раньше завтрашнего утра, его дочь, за которой она ходит уже полгода, спит на втором этаже, а слуг нигде не видать. Настя решила ретироваться. Она отодвинула чашку и встала:

– Вы простите, Акакий Петрович, не судите строго, конечно вы очень добры ко мне, только негоже прислуге с хозяином чаи распивать, – она спиной пошла к двери и дернула за ручку. Дверь была заперта. Акакий Петрович расхохотался:

– Ну что ты, голубка, куда торопишься, мы ведь с тобой толком и не поговорили, ну куда ты...

В один прыжок хозяин оказался возле неё. Толстыми короткими пальцами, ухватив за ворот блузы, он подтянул Настю к себе и, обхватив руками талию, поволок к диванчику:

– Вот так, вот так, милая, я ведь давно ждал этого, ну ты же знала, признайся, ты видела, что очень, очень мне нравишься, и ты же понимала, что без рекомендаций в приличную семью тебя вряд ли бы взяли, и если я пригласил тебя сюда...

Настя попыталась сопротивляться. Он придавил её всем телом к дивану его руки, казалось, были везде. Спасения не было. Неприятное горячее дыхание у её уха вызывало отвращение. Собрав все силы, она ногой оттолкнула Акакия Петровича и вскочила. Со страшным грохотом он, перевернув стулья и этажерку, упал навзничь и замер в углу. Гробовая тишина. Ни звука, ни движения. Настя на цыпочках подошла к хозяину. Акакий Петрович лежал на спине с закрытыми глазами. Она дотронулась до его плеча:

– Акакий Петрович... Акакий Петрович! – Настя заплакала. Хозяин не подавал признаков жизни. Пугающие мысли проносились в её голове. Она никогда не докажет, что защища-

лась, да и что её слова, слова сироты, против семьи Акакия Петровича. Её обязательно посадят в тюрьму, и никто, никто её уже не спасет. Она его убила! Что она скажет хозяйке?! как она могла оставить без отца свою воспитанницу!

Мозг лихорадочно просчитывал ситуацию. Ей остается только бежать. Сейчас почти двенадцать ночи. Через четыре часа придет Митька, – поваренок, который топит печи на кухне и чистит овощи. Нет сомнения, что он тут же поднимет шум и позовет полицию. Надо бежать прямо сейчас.

Дрожа, как осиновый лист Настя дотронулась до пиджака убитого. Она с детства до смерти боялась покойников. Когда умерла бабушка, она всю ночь просидела на порожке дома, потому, что было страшно остаться в доме один на один с умершей. Дрожь не унималась, страх и появившееся легкое головокружение вызывали тошноту. Нащупав в кармане хозяина ключ и открыв двери, Настя кинулась наверх, в свою комнату. Рядом за стенкою мирно посапывала малышка. Если повезет, девочка не проснется до самого утра. Наспех собрав саквояж с вещами, она кинулась к выходу. Оставив вещи в прихожей, Настя все же решила еще раз посмотреть, вдруг хозяин жив. Она тихонько заглянула в гостиную. Акакий Петрович по-прежнему лежал без движения на полу. У неё продолжала кружиться голова. Она нащупала ручку саквояжа и выбежала из дома.

Ночные улицы были тускло освещены редкими фонарями. Куда идти? Еще год назад она жила с бабушкой на Никитской. Бабушки теперь нет на свете. Дом ушел за долги, она в свои девятнадцать совершенно одна, пригретая семьей Акакия Петровича и назначенная ходить за его дочкой, из жалости и в память о её бабушке, некогда знаменитой оперной певице. Она бежала по городу. Головокружение усиливалось, пришлось замедлить шаг. Глаза слипались. Верно, хозяин что-то подсыпал в чашку. То-то он ее так уговаривал попробовать его знаменитого чайку! Шатаясь, словно пьяная, она налетела на высокого мужчину в длинном плаще и шляпе, собиравшегося свернуть за угол. Земля, словно в тысячи раз умножив силу притяжения, привлекла к себе её тело, фонарь заслепил вверху, высоко, прямо над лицом. Странная мысль пришла ей в голову: «Дождик...какой теплый дождик...»

– Эк, тебя угораздило! – Мужчина, сняв шляпу, склонился над Настей, внимательно разглядывая её лицо. – На пьяную не похожа...запаха, кажется, нет... как же ты так! Вставай, слышишь.– Он потянул её за рукав.

Девушка не шевелилась. Уснула мертвецким сном. Мужчина вздохнул:

– Ну не бросать же тебя здесь, горе луковое.

Он взвалил свою находку на плечо и скрылся за поворотом.

Настя проснулась от щебетанья какой-то настырной птички, сидевшей на зеленеющей веточке прямо за открытым окном. Открыв глаза, она сначала не поняла, где находится. Низкий беленый потолок над головой, узкая кровать, пестрое лоскутное одеяло... она лежала под ним... в мужской рубашке! Что случилось? Внезапно память прояснилась. Она убила Акакия Петровича, он хотел взять её силой, она толкнула его, он упал и умер, потом она бежала по ночным улицам...да где она? Охнув, Настя села на кровати.

– Доброе утро, – приятный, с бархатными нотками мужской голос заставил её обернуться. – Вы, мадемуазель, проспали почти двое суток.

В кресле, позади кровати сидел молодой темноволосый мужчина с карими глазами и обаятельной улыбкой.

– И теперь по вашей милости я уже две ночи провожу в этом кресле, а оно не такое удобное, как кажется на первый взгляд.

– Кто вы? Где я?

– Позвольте представиться – мужчина поднялся во весь рост и, слегка поклонившись, протянул ей руку. – Шарль Тулье, служу в Императорском театре-цирке. Вернее сказать, служил.

– Шарль! Вы... – она вспомнила, как прошлой зимой, еще вместе с бабушкой она впервые посетила Императорский цирк, как была очарована его атмосферой и как запал ей в сердце молодой наездник, выполнявший невероятные трюки на коне. – Вы – тот самый наездник, Шарль Тулье, который держал на своих плечах четверых жонглеров!

– Ваш покорный слуга.

– Но как?! Почему я здесь? Что вы делаете здесь? И... – она вновь оглядела себя и натянула одеяло под самый подбородок, – где моё платье?

– Столько вопросов. Позвольте, начну с последнего. Ваше платье здесь, пришлось отдать его почистить – вы упали на мостовую в тот момент, когда начался дождь. Я нашел вас и принес сюда. Пытался вас разбудить, но ничего не вышло. Пришлось дать вам отоспаться. Кстати – интересно, что могло вызвать такой продолжительный сон у столь юной особы, и куда вы так спешили ночью? Ах! Да! Не стоит отвечать вопросом на вопрос дамы. Продолжим. Вы находитесь в моей комнате – не самой богатой, но вполне сносной, не так ли? Я удовлетворил ваше любопытство?

– Вы – француз, а по-нашему говорите совсем без акцента. Странно видеть вас здесь, Шарль, ведь цирковые...

– Я понимаю ваше удивление. По-вашему – я должен обязательно жить при цирке, но с тех пор, как в конце июня он был закрыт, мы, артисты, вынуждены искать себе другое место. Мои сбережения позволили мне снять эти скромные апартаменты, и теперь я в свободном поиске. Да, и вот еще, – заговорщицким тоном, подмигнув, он приблизился к ней, – Шарль Тулье – это псевдоним, – он улыбнулся, – нынче на манеже так принято. Модно, когда выступают французы, англичане и даже турки. Однако, в последнее время жалуют и местные таланты. Я русский и имя у меня незатейливое и исконно русское – Аникей,

-Аникей. Аника значит? Как Аника – воин.

– Правды ради, должен сказать вам, что в былинах речь шла об Онике – воине, и не хотелось бы, чтобы меня отождествляли с легкомысленным бахвалом. Но, для близких можно и Аника. – Он вновь светло улыбнулся и присел на краешек её кровати:

– Ну, теперь моя очередь задавать вопросы. Кто вы и что с вами произошло?

Настя не успела открыть рта, – в дверь постучали. Аника встал, подошел к двери, и она с восхищением отметила его атлетическое сложение, красивую широкую спину и прекрасную осанку. Голос из-за двери проскрипел:

–Платье вот, почистили, мсье Шарль, как велели, завтрак и газета. Извольте принять.

Аника вернулся с платьем и подносом. Только теперь Настя поняла, что до смерти хочет есть. Желудок сжимался от спазмов.

– Вы так любезны, что позаботились о завтраке!

– Мадемуазель, я предполагал, что рано или поздно вы очнетесь от своего сказочного сна и захотите подкрепиться. Ешьте, мадемуазель, – Аника сел в кресло и развернул газету. На подносе перед Настей красовались те самые розовощекие, румяные ватрушки и стакан молока. Все произошедшее с ней пронеслось перед глазами в считанные мгновенья. Комок подкатил к горлу. Увидев в газете нечто, Аника встал во весь рост:

– Погодите. Здесь ваш портрет, по-моему. Ну, точно! Сейчас и я получу ответы на свои вопросы. Вот! – он замер, не веря своим глазам, –...разыскивается Егорова Анастасия, роста

среднего, глаза серые, волосы русые, уложены в косу. Она Анастасия нанесла увечья Семенову Акакию Петровичу, статскому советнику, причинила ему телесные повреждения, и, ограбив на сумму сто пятьдесят тысяч рублей... – он ошарашено смотрел на Настю, та, с не меньшим потрясением смотрела ему в глаза:

– Неправда... прошу, поверьте, это неправда, он пытался взять меня силой, хозяйка, его жена уехала, он пытался... я сопротивлялась, я не... я только оттолкнула его, я никаких денег не крала!

Аника вытащил из шкафа небольшой коричневый саквояж:

– Это ваше?

– Да, но...

– Что здесь?

– Платье, чулки... я наспех собралась и сбежала. Я думала, что убила его! Он упал и ударился, он не шевелился. Я себя убийцей считала! – она приподнялась на кровати и, обернувшись одеялом, неожиданно для самой себя рассмеялась:

– Спасибо! Господи! Он жив!

Не отводя от неё взгляда, Аника раскрыл защелку саквояжа и высыпал его содержимое. Червонцы, четвертаки и сотенные посыпались на стол:

– Позвольте, Анастасия Егорова, а это что?

Настя, прекратив смех, смотрела круглыми от удивления глазами:

– Я... я не знаю, откуда они в моём саквояже... там были вещи...

– Вот что! – голос Аники зазвучал металлом, – я сейчас выйду на четверть часа, а когда я вернусь, я не хочу застать здесь ни вас, ни ваших краденых денег! Прощайте, мадемуазель! – Хлопнув за собой дверями, он скрылся.

Настя опустилась на край кровати. Откуда такие деньги у неё в саквояже? Хозяин жив, значит, она не убийца, но теперь все считают, что она воровка! Её портрет напечатан в газете. Как могли деньги попасть к ней? Она наскоро натянула платье и заплела волосы в косу. Саквояж зиял открытой пастью, из которой высыпались пачки купюр. Она медленно, словно боясь, что он кинется на неё, подошла и погладила его по кожаному боку. Её будто током ударило: кожа её коричневого саквояжа была совершенно гладкой, а эта была рельефной, с золочеными клепками! Это не её! Она лихорадочно соображала, как мог саквояж с хозяйскими деньгами оказаться в ту ночь с ней. События постепенно всплывали в её памяти. Хозяин подстроил свидание и хотел подпоить её, чтобы удовлетворить свою похоть. Она отбивалась – он упал, она побежала наверх и собрала вещи в саквояж, потом спустилась, поставила его на пол... вот! Поставила на пол, когда подошла посмотреть на хозяина! Потом вернулась, голова уже кружилась, и было нехорошо. Конечно! Она просто случайно взяла не свой саквояж, должно быть рядом с ним стоял еще один, ведь в темноте было не разглядеть. Надо вернуть деньги немедленно! Отнести их в участок – ведь к хозяину она больше не пойдет, ни за что! Если вернуть деньги её перестанут подозревать в краже, и она будет свободна!

Она сгрэбла деньги назад, закрыв замок треклятого саквояжа, и открыла, было, дверь, чтобы выскочить прочь, но тут, мысль, поразившая её своей простотой и правдивостью, остановила её! А если ей не поверят?! Мало того, ей ведь действительно не поверят! Объявления о её розыске во всех газетах и, наверняка, на всех столбах. Она придет в участок с деньгами, а её просто упекут за решетку и полицейский, сделавший это, еще и получит вознаграждение за поимку такой опасной преступницы. Что же ей делать?! Она вспомнила лицо Аники, прочитавшего объявление о её розыске в газете, уж если он не стал слушать её объяснений, то вряд ли это будет нужно кому-то еще. Остаться здесь больше нельзя – вдруг он позовет полицейского. Настя повязала голову платком, спрятав под ним роскошь своей русой косы, и тихонько выскользнула из комнаты, оставив саквояж с деньгами на столе.

Не привыкший к праздности, проводивший все время в бесконечных репетициях, Аника неуютно чувствовал себя, бездельничая целый день. Он намеренно не возвращался в свою комнату, чтобы не разочаровываться. Если она уйдет – он будет разочарован, но как ей не уйти, ведь он сам дал ей четверть часа на сборы и прогнал, значит обязательно уйдет. Совсем ведь девчонка, неужели и в правду лиходейка? Глазищи большие, серые, коса – как в русских сказках! Взгляд совсем детский, не может быть такая девушка преступницей. Она не выходила у него из головы. Очень красивая. Он не встречал таких, совсем еще девчонка. А если все же? Если она, вопреки его словам останется, испугается, ведь идти ей некуда – повсюду облава. Останется, но окажется, что все, о чем пишут газеты и о чем кричат объявления на столбах – все правда. Тогда разочарованию не будет предела.

Аника зашел в трактир на площади. Смеркалось. Мысли о Насте не оставляли его. Куда она пошла? И пошла ли? Халдей принес вина. Он прислонился к стене и закрыл глаза. А ведь поначалу не сразу и разглядел, какая она...

Стараясь не чувствовать себя неловко, снимая мокрое грязное платье и переодевая её в свою рубаху при тусклом свете свечи, он не подозревал, что утром, глядя на её беспокойный сон, прерывающийся вскриками и бормотанием, поразится её правильным чертам лица и нежному румянцу щек. Она спала ночь, день и потом еще всю ночь – значит, ей что-то подсыпали. Она что-то бормотала во сне, как будто отбивалась от кого-то. Может, она сказала правду, может быть, действительно она пыталась защититься. Тогда откуда деньги?

Трактир понемногу наполнялся публикой. Рядом, за соседним столом сидел бородатый, щуплый мужичишка с всклокоченными волосами. Неожиданно в двери буквально ввалился холеный упитанный господин. Что-то привлекло внимание Аники, он никак не мог понять, что, потом понял: голова господина была перевязана так, что из-под котелка был виден край белой повязки. Господин сел спиной к Анике. Расстояние было так невелико, что невольно было слышно даже негромкие фразы, которыми обменивались вошедшие.

– Доброго здоровьичка, Акакий Петрович! – Бородатый явно заискивал.

– Тише ты, тише, принес?

– Попервой вы, господин хороший доложите, где деньги?

– Сначала я должен увидеть, она это или нет, не думаешь же ты, что я весь капитал буду с собой вечером по трактирам таскать.

– Э! Акакий Петрович, так не годится. А может, и нет у вас никаких денег, – он достал из-под полы газету, – уж не вас ли это на днях ограбили?

– Прохвосты! Щелкоперы! Уж на весь город раззвонили! И девка эта куда-то запропастилась! Надо ж было быть такой дурой! Ухватить вместо своего саквояжа мой! И чего кобенилась, жила б сейчас как сыр в масле, даже еще лучше. Милость ей хозяйская не по душе... – словно задумавшись, он смотрел в одну точку и про себя костерил Настю, на чем свет стоит, потом, очнувшись, схватил за ворот бородатого и зашептал:

– А ты, Лука не беспокойся, чай ты не думаешь, что все мое состояние сотней тысяч ограничивается, небось, и другие доходы имеются. Я за ценой не постою, лишь бы это была она! Давай сюда, я гляну!

Лука засопел:

– Не извольте гневаться, барин, Тимоха что-то задерживается, у него она! От самого Тобольска у него. Здесь мы разделились – больно на то, что хвост за нами было похоже, думали, шпики следят, да сговорились в этот самый час здесь встретиться. Вот нет его что-то.

– Идиоты! Её покупатель ждет, уж которую неделю, через три дня её за границу должны вывезти! Уж и документы все куплены!

Аника понимал, что девушка сказала правду. Хозяин действительно её домогался, и деньги оказались у неё случайно. Где она сейчас? Что если её схватила полиция?

Не дожидаясь конца разговора, он вышел на улицу и быстрыми шагами направился по тускло освещенной мостовой к дому. Он почти бежал, с теплившейся надеждой, что девушка ждет его, сидя на кровати и завернувшись в одеяло. Несколько кварталов, два лестничных пролета, дверь... комната пуста. На столе в свете уличного фонаря блестят металлические заклепки на боках саквояжа. Она не взяла денег! Где она? Что с ней? Как он был несдержан, как спор на расправу! Он сел на кровать и обхватил голову руками. Внезапно дверь распахнулась, и на пороге появилась Настя, сгорбленная под тяжестью какого-то мужика, еле передвигавшего ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.